

ВЕРА КУЗЬМИНА

ЧТО Ж МЫ ДЕЛАЕМ С СОБОЙ?

* * *

— Снова пензию посеял, сивый мерин, гладкий гусь!
— Я люблю тебя, Расея, дорогая наша Русь!
— Весь пинжак-то взади в пятнах, где валялся-то, стерво?
— Ты веками непонятна!..
Бабка тащит самого.
Деду восемьдесят с гаком, не уралец, из минчан.
Колыму прошёл — не плакал, целину пахал — молчал.
Горб, надсада и мозоли — что колхозник, что зэка...
Профиль Сталина кололи возле левого соска,
Сыновей ушедших ждали — не служившим стыд и срам,
И смеялись над вождями, и скорбели по вождям.
— Горе луковое, Сеня! Обоприся на плечо.
Всё Расея да Расея, хоть бы пел другое чо.
Мят да кручен, бит да ломан — ни к чему такая жись...
Слава Богу, вроде дома, на завалинку садись.
Завтра стопку не проси-ко, не подам, палёна мышь.
Вишь, заря-то — как брусника, что ж ты, Сенюшка, молчишь?
Вишь, ворота как осели у соседа в гараже...

Спит на лавочке Расея, уходящая уже.

КУЗЬМИНА Вера Александровна родилась в г. Каменск-Уральске Свердловской области. Закончила Каменск-Уральский медицинский колледж. Работает медсестрой в городской поликлинике. В "Нашем современнике" печатается впервые.

БРОШЕНКА

Не жемчужины — горошинки, не милы, не хороши,
Ходят лишеньки да брошенки, просят медные гроши.

Получают — щедро, скупое ли? Не копейся — не жена.
Им сестрица — Дунька глупая, навсегда Лопухина.

Отцветут ромашки-лютики, в шею выгонят цари,
И в конце дорожки крутенькой — кабаки-монастыри.

Улетит душа безмужняя не голубкою — чижом.
Может, вспомнит про ненужную не сумевший да чужой?

Не сумевший да не сдюживший, не горюй — не суждено.
Дай же Бог тебе жемчужину, не ячменное зерно.

Откупился медным грошиком не сумевший да не муж.
Русь ведь тоже баба-брошенка, да и лишенька к тому ж.

ЛЮБИ

Люби меня за немудрящие
Еду, победу и беду.
За травянисто-серых ящерок
Под лавкой в яблочном саду.

За руку, что махала поезду,
А после падала без сил:
Он с первого абзаца повести
Солдат и ссыльных увозил.

За бабкин крест — сосновый, тёсанный,
Её же крестик в три рубля.
За “козьи ножки” с папиросами,
За сходство “я люблю” и “бля”,

За то, что не бывала маленькой —
Ну, разве что в твоей горсти.
За первый мокрый снег. За валенки.
За то, что не смогла уйти.

ТРОЕ

Россия, ты бессмысленная кручь. Россия, ты великая кручина.
На лезвии застывший тонкий луч — кручиниться ты многих научила.
Кручиниться и кружками стучать — надеяться, что выпьешь — полегчает,
Да вряд ли — слишком много палачат.
Страшнее и честнее с палачами.
Всё в кружках — и рождение, и смерть, и хищные новёхонькие звёзды.
Всё, кроме тела, а оно — конверт. Там нет письма, лишь надпись:
“Не опознан”.
Возьми моё письмо, пока жива, возьми моё молчание ржаное.
Любовница, дитя, сестра, жена — кем хочешь, буду, только помни: трое!
Россия, ты и я.
Пойдём с тобой по комариным безлошадным кручам.
Нас ждут Исеть, и Волга, и Тобол...
Прости, любимый, ты и так измучен.

Бросай письмо, ему тепло в снегу, согреют волки, зайцы, лоси, лисы.
Крутой изгиб твоих бровей и губ — в моём письме постскрипtum.
Не дописан.

Бросай, оно дойдёт в немую Русь, понятное замотанной скотине,
И пьяный шут солёный белый груздь положит на него посередине,
Пацан сопливый сложит самолет и бросит в чёрный двор его с балкона...
Пусть лужа прочитает и поймёт...

(Но лишь прошу — не надо за икону!)

Бросай, пусти, не жди, не плачь, не пой, не для тебя:

“Гори, моя лучина...”

Зачем? Зачем ты выдохнул со мной: “Россия, ты великая кручина...”

Оставь кручёных петель тихий хрип, стук топоров,

Копыт и мокрых кружек,

Крутую тяжесть плах, крестов и плит...

Оставь, хотя ты нужен.

Очень нужен.

КАЗЁННЫЕ

Щи, да каша солёненька, да утопанный плац.
Где вы, белые слоники, старый бабушкин плащ?

Мы с рождения пороты, под колени — горох,
Верно служим опорами ненадёжных эпох:

И штыками, и досками, и лопатой-кайлом.
Бьют ботфорты петровские сквозь века напролом.

Мы иные — казённые. Чёрен крик воронья.
Если точно — казнённые не за други своя,

За других, кто удачливей, чья вода голуба,
Несмышлёншей-мальчиков — молоко на губах,

За игрушки и бантики, за бабулин компот,
За конфетные фантики, груди книжек и нот.

Мы казён... мы казнённые. Нас никто не спросил.
Щи пустые, солёные. Плиты общих могил.

Ложки гнуты и кручены. Не поют соловьи.
Дорастёшь до поручика? Добренчишь до статьи.

Раны-раны, наколочки. Что такое — домой?
Может, в чём-то и сволочи, да зато не дерьмо.

Мы иные — казнённые от суровой казны...
Не пытайте резонами, помолитесь за ны.

СЕМЕЙНЫЙ ЛУК

Мужское “цыть”, наколки-клейма,
Что раньше было — всё зола...
Засох на грядках лук семейный,
Уборка — бабские дела.

Не хватит рук — тащи в подоле,
Суши, раскладывай на печь.
Молчат — от самой сильной боли.
Ох, лук семейный, горечь-речь...

Бывают руки без наколок,
Да свой у каждой бабы крест.
Храни мужей, святой Никола,
Храни таких, какие есть,

Храни мужей, святой Егорий,
Простим всегда... почти всегда.
Ох, лук семейный, горечь-горечь,
Растёт на грядках лебеда.

Подсохший лук — янтарь кубастый,
Угрюмый, ёмкий и лихой.
Скорее — туча солнце застит,
Успеть убрать, пока сухой.

Летит на выжженный пригорок
Семян пушистых кисея.
Ох, лук семейный, горечь-горечь
В подолах глупого бабья...

ОБХОДЧИК

Вдоль истоптанных обочин
Мать-и-мачеха растёт.
Плачет пьяненький обходчик
Возле крашенных ворот:

— Ох, Ирина ты, Ирина,
Что ты делаешь со мной?
Изнутри засов задвинут —
Что я трезвый, что хмельной.
Ждут верёвка и берёза
Возле Каменки-реки...

А глаза его тверёзы —
Голубые васильки.

Камень.
Выбитое имя.
Фото.
Шрамик над губой.

Что ж мы делаем с другими?
Что ж мы делаем с собой?

И пальтишки, и шинели,
И Таруса, и Рязань
Испокон веков жалели,
Хоть не верили слезам.
Может, слова бы хватило —
Разогнать хмельную муть,
Чтобы в корень не скосило,
Чтобы узел растянуть.
Пожалеть никто не хочет,
Потемнели образа...

Плакал пьяненький обходчик —
Васильковые глаза.